

9. Соловјев, А. В. Одабрани споменици српског права (од XII до краја XV века) / А. В. Соловјев. — Београд : Издавачка књижевница Г. Кона, 1926. — 234 с.
10. Тарановски, Ф. Историја српског права у Немањинској држави / Ф. Тарановски. — Београд : Службени лист СРЈ, 1996. — 805 с.
11. Павловић, М. Српска правна историја / М. Павловић. — Крагујевац : Издавач Н. Павловић, 2005. — 953 с.
12. Законик цара Стефана Душана: Студенички, Хиландарски, Ходошки и Бистрички рукопис : в 3 књ / уредник академик Мехмед Беговић. — Београд : Српска академија наука и уметности, 1981. — Књ. II. — 300 с.

Окончание в следующем номере.

VIKTAR YERMALOVICH

**BASIC INSTITUTIONS OF CRIMINAL LAW
IN MEDIEVAL SERBIA AND KIEVAN RUS**

Author affiliation. *Viktar YERMALOVICH* (jermalovich7@gmail.com), *Belarus State Economic University (Minsk, Belarus).*

Abstract. The author gives a historical analysis of the criminal law of medieval Serbia and Kievan Rus. The mechanism of law enforcement of the main types of crime and punishment, such as murder, offenses against the person, property crimes, as well as death penalty and other forms of punishment for the crimes committed is considered. The process of reception of the rules of East Roman criminal law in the legal system of medieval Serbia and Kievan Rus is studied.

Keywords: medieval law; rules of criminal law; crime; punishment; compensation for damages; Serbia; Kievan Rus.

UDC 340:343

*Статья поступила
в редакцию 21.05. 2018 г.*

РУСЛАН АРИФ ОГЛЫ ВЕЛИЕВ

**ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ОГРАНИЧЕНИЯ
ДЕЕСПОСОБНОСТИ ФИЗИЧЕСКОГО ЛИЦА**

В рамках проведенного исследования произведено уточнение понятия «дееспособность», что позволило обосновать категорию ограничения дееспособности физического лица как процесс опровержения презумпции зрелости сознательно-волевой сферы субъекта, достигшего определенного возраста, с учетом фактов, характеризующих негативное влияние на эту сферу (злоупотребление спиртными напитками, наркотическими и психотропными веществами; игровая зависимость и психическое расстройство).

Руслан Ариф оглы ВЕЛИЕВ (veliyev.r@gmail.com), *аспирант кафедры гражданско-правовых дисциплин Белорусского государственного экономического университета (г. Минск, Беларусь).*

Ключевые слова: дееспособность; правоспособность; правосубъектность; ограничение дееспособности; правовые презумпции; гражданско-правовой статус.

УДК 347.155.5

Введение. Ограничение дееспособности физического лица, основания и порядок реализации этого акта относятся к традиционным, наиболее древним институтам гражданского права. Между тем комплексное теоретическое осмысление данное явление в системе категорий правовой науки не получило до настоящего времени. Основным предметом научных дискуссий в данной сфере преимущественно являются предложения по введению в законодательство тех или иных оснований ограничения правовых возможностей физических лиц. Причем эти предложения в большинстве своем опираются на законодательную практику иностранных государств и представляют собой не что иное, как заимствование нормативных положений (иногда некритического характера) иностранного законодательства. Поэтому следует уточнить сущность данного акта в его теоретическом измерении, выявить его цель и функциональную направленность для разработки методологических рекомендаций по совершенствованию названного института. Целью настоящей работы является уточнение понятия «ограничение дееспособности физического лица» применительно к современным условиям Республики Беларусь, выявление соотношения его со смежными правовыми институтами.

Основная часть. В Гражданском кодексе Республики Беларусь (далее — ГК) в качестве акта, направленного на установление особого порядка участия физического лица в гражданских правоотношениях, закреплён институт ограничения дееспособности. Вообще, лексическое значение слова «ограничение» определяется в Толковом словаре русского языка как «стеснение, установление каких-либо границ, рамок» [1, с. 587]. В соответствии со ст. 30 ГК гражданин, дееспособность которого ограничена, например, вследствие злоупотребления спиртными напитками, наркотическими средствами или психотропными веществами, может самостоятельно совершать мелкие бытовые сделки. Для совершения иных сделок, в том числе по распоряжению собственным доходом, ему необходимо согласие попечителя [2]. Приведенная норма действительно направлена на определенное ущемление в правах, установление предела осуществления этих прав. Но лицо, которое подверглось ограничению в дееспособности, не утрачивает качеств субъекта гражданского права, за ним сохраняются все права, составляющие содержание гражданской правоспособности, просто теперь его участие в гражданских правоотношениях ставится под контроль специально назначенного лица — попечителя. При этом возникает вопрос, какова природа данного акта, какие теоретико-методологические посылки положены в основание такой конструкции. Для ответа на этот вопрос следует уточнить само понятие «дееспособность», чтобы прояснить, что же именно подвергается ограничению.

В законодательстве категория «дееспособность» раскрывается как способность гражданина своими действиями приобретать и осуществлять гражданские права, создавать для себя гражданские обязанности и исполнять их [2, ч. 1, ст. 20]. Из контекста приведенной нормы, а также анализа гражданского законодательства в целом можно заключить, что речь идет не о фактической физической возможности осуществлять определенные действия, имеющие юридические последствия, и тем самым реализовывать права и создавать для себя обязанности. Так, в случае физической невозможности для лица, например, по состоянию здоровья осуществлять и защищать свои гражданские права над ним, по его просьбе, устанавливается патронаж, который не влечет каких-либо ограничений в реализации прав этого гражданина [2, ст. 37]. Сле-

довательно, понятие «дееспособность» связано с возможностью осуществлять юридически значимые действия и принимать на себя их последствия. Так, ребенок в возрасте до 14-ти лет физически может совершить любое действие, по форме соответствующее гражданско-правовой сделке: приобрести или продать дорогостоящее имущество, заключить договор кредита, воспользовавшись электронной формой договора, и т. д., но все эти действия квалифицируются как ничтожные сделки, т. е. не порождающие никаких юридических последствий, кроме последствий, связанных с их недействительностью [2, ст. 173]. Отсутствие юридического значения действий, совершаемых таким гражданином, связано с тем, что он не может разумно оценивать свои действия, их последствия и нести за них ответственность. Итак, если правоспособность связана с объективными условиями, складывающимися в данном государстве, в данное время, то дееспособность направлена на субъектные характеристики лица.

Человек является сложным биосоциальным существом, но при создании гражданско-правовой конструкции «физическое лицо» из всего множества характеристик человека во внимание принимаются воля как основа стремлений и интересов лица, побудительный механизм всех его поступков, волеизъявление как способность адекватно выражать эту волю вовне и разумность как возможность оценивать свои действия в системе социальных ценностей и иных общественных регуляторов, а также предвидеть их последствия. Но практически любой человек способен в той или иной мере выражать свою волю, иное дело, что эта воля может искажаться и под воздействием внешних, и под действием внутренних факторов. Так, недостаточный уровень зрелости интеллектуальной сферы личности приведет к возникновению нездоровых устремлений, которые приведут к неразумному или недобросовестному поведению лица в сфере гражданского оборота. В то же время занятие некоторыми видами деятельности или пребывание на некоторых должностях также может искажающе воздействовать на формирование волеизъявления или разумность поведения.

Человек как участник общественных отношений, урегулированных правом, должен обладать волей, возможностью совершать определенные действия сообразно направленности этой воли, причем эти действия должны быть разумны. Очевидно, что категория дееспособности связана именно с этими признаками индивида как субъекта гражданско-правовых отношений. Связь дееспособности как юридического понятия и воли отмечалась еще Г. Ф. Шершеневичем [3, с. 61] и Я. Р. Веберсом [4, с. 129]. В некоторых современных публикациях дееспособность определяется как «...способность человека сознательно выражать свою волю при совершении юридических сделок и руководить своими поступками с осознанием их последствий» [5, с. 47]. Поскольку физическое лицо действует в системе сложившихся общественных отношений, обусловленных особенностями политического, социального, экономического устройства конкретного государства, историческими особенностями его формирования и развития, постольку сознательно-волевое поведение индивида оценивается как разумное с позиций конкретно-исторических социальных ценностей. Например, в дореволюционном праве и в первые годы советской власти в качестве основания ограничения дееспособности нормативно закреплялась так называемая расточительность. С позиций общественного менталитета того времени поведение, направленное на существенное уменьшение материального достатка семьи, оценивалось как неразумное, что и нашло свое отражение в соответствующем нормативном решении. Ограничения в сфере наследственных прав привели к утрате значения накопленного имущества как основы благосостояния семьи, и указанное основание ограничения

дееспособности было исключено из текста закона. Таким образом, включение физического лица в систему гражданских правоотношений в качестве их субъекта предполагает, что данная конкретная личность понимает значение своих действий, осознает их (интеллектуальный критерий); способна руководить ими (волевой критерий), включая планирование действий, самоконтроль за ними, способность разумно предвидеть последствия своих действий и нести самостоятельную ответственность (быть деликтоспособным) [6, с. 89].

Оценить уровень развития сознательно-волевой сферы каждого отдельного лица для принятия решения о допуске его в гражданский оборот в качестве полноправного субъекта практически невозможно. Поэтому на основе накопленного опыта в социально-психологической сфере законодатель закрепляет в норме права предположение о том, что гражданин, достигший совершеннолетия, обладает характеристиками, необходимыми для участия в гражданских правоотношениях лично и без посредничества третьих лиц. Так, устанавливается вероятностная связь между законодательно-констатированным фактом (достижение определенного возраста) и предположением — определенной социальной зрелостью субъекта, позволяющей ему разумно на основе собственной воли осуществлять правовое поведение в имущественной сфере. Такие вероятностные предположения приняты в правоведении именовать правовыми презумпциями.

Понятие «презумпция» в праве до настоящего момента является дискуссионным. Если отвлечься от некоторых несущественных различий, в истолковании названной категории можно выделить два основных подхода. Одни исследователи трактуют презумпции как особые нормативные положения, связывая эту нормативность либо только с законодательством [7, с. 5], либо допуская и ее договорной характер [8, с. 8], а иногда — и учет других социальных регуляторов (морали, религии и т. д.) [9, с. 2]. Сторонники второй точки зрения связывают понятие «презумпция» с понятием «юридический факт», рассматривая ее либо как основания классификации последних (законодательно-констатируемые и презюмируемые) [10, с. 70], либо как особые правовые явления «...представляющие юридические факты» [10, с. 72]. Однако обобщение и анализ законодательных предположений, относимых к презумпциям, позволяет утверждать, что это, скорее, способ оценки достоверности и значимости юридических фактов. Иными словами, правовые презумпции — это нормативно закрепленная характеристика юридических фактов с точки зрения степени их достоверности с определением круга таких явлений, которые, будучи обозначены как юридические факты, отличаются фактической и юридической неопределенностью. Соответственно, презумпции не могут быть квалифицированы ни как юридические факты, ни как феномен, их замещающий. Например, презумпция добросовестности и разумности участников гражданских правоотношений [2, ст. 9, п. 4], закрепленная гражданским законодательством, указывает на признаваемый юридический факт — добросовестное поведение, который может быть и опровергнут. Иными словами, приведенное правило указывает, какой юридический факт условно может быть принят в процессе правового регулирования, а не замещает этот факт как таковой. Важнейшим признаком презумпций выступает предположение о взаимосвязи и взаимообусловленности одного юридического факта (законодательно-констатируемого) с другим юридическим фактом (предполагаемым), полученное индуктивным путем, на основе накопления эмпирических данных о причинно-следственных связях явлений действительности. В основе формирования презумпции лежит накопление и обобщение социального опыта. С учетом изложенного дееспособность предстает как презумпция достижения индивидом к моменту совершеннолетия достаточной степени зрелости

интеллектуально-волевой сферы для того, чтобы сознательно осуществлять действия, влекущие правовые последствия, планировать и предвидеть эти последствия, а также нести за них ответственность.

Итак, дееспособность следует рассматривать как нормативную основу формирования одобряемого обществом и государством поведения лица в системе урегулированных правом отношений путем нормативного закрепления системы презумпций относительно волевого и разумного поведения субъекта. Иными словами, дееспособность — это правовая форма действий индивида как субъекта права, или, говоря словами О. А. Красавчикова, является «...юридическими качествами лица» [11, с. 9].

Однако не всегда в силу различных причин лицо, достигшее установленного возраста, в состоянии осуществлять сознательно-волевое поведение на должном уровне. И хотя право как социальная регулятивная система учитывает, прежде всего, типичные поведенческие формы и ситуации, однако его эффективность во многом зависит и от возможности индивидуализации правовых предписаний. Учет отклонений от типичных форм поведения участников общественных отношений, а также специфика самих отношений, обусловленных правовым режимом их объектов, целей и т. д., осуществляется посредством установления количественных характеристик презюмируемых фактов, а также возможностью опровержения презумпции. В отношении дееспособности количественные характеристики выражаются в варьировании ее объема, например, возможности уменьшения или уменьшения количества видов сделок, совершаемых самостоятельно лицом, имеющим психическое расстройство (болезнь) [12, п. 2 ст. 30]. Предложенная концепция позволяет уточнить связь между дееспособностью и правоспособностью как базовыми характеристиками субъекта гражданского права. Так, правоспособность можно определить как нормативное закрепление всех доступных на данном историческом этапе форм правового поведения субъекта, меру его свободы в имущественном обороте — субъективные права, а в содержании категории «дееспособность» раскрывать как презумпцию, связывающую конкретные субъективные права с определенными законодательно-констатированными фактами (в современной законодательной практике — возрастом и вступлением в брак). При этом возрастной критерий используется белорусским законодателем для установления градации объема доступных к реализации субъективных прав из общей совокупности, зафиксированной в содержании правоспособности.

Презумпции сознательно-волевого поведения лица устанавливаются как общее правило, которое конкретизируется применительно к юридическим актам, пользующимся специальными правовыми режимами, что в вербальном закреплении через правовые нормы представляется как «объем общей и специальной дееспособности». По сути дела, определяя дееспособность несовершеннолетних в возрасте от 14-ти до 18-ти лет, законодатель предполагает, что эти лица уже обладают достаточной степенью зрелости сознательно-волевой сферы, чтобы, например, распоряжаться собственным доходом, но недостаточной — для совершения сделок от чужого имени [2, ст. 25]. Однако на сферу сознательно-волевого поведения лица, как уже было отмечено, могут оказывать влияние иные факторы, действие которых может проявляться и после наступления совершеннолетия. В частности, волевая сфера личности может понести ущерб в результате злоупотребления спиртными напитками, что приводит к существенным затруднениям или даже невозможности контролировать свои действия, имеющие юридические последствия, в результате чего может быть причинен вред общесоциальному интересу, например, имущественному положению семьи. В таких обстоятельствах, принимая во внимание конституционный принцип социального государства, вполне оправдано

вмешательство в частные дела путем введения специальных ограничений на самостоятельные действия данного лица. Общий интерес здесь затрагивается косвенным образом. Члены семьи пьющего гражданина, утратив средства к существованию, вынуждены будут прибегнуть к социальной помощи, т. е. через систему социальной защиты материальные ресурсы всего общества будут перераспределены в пользу данных лиц. Частный интерес отдельного лица возобладает над общим материальным интересом. Как видим, ограничение дееспособности преследует цели защиты как общего интереса, так и имущественных интересов лица, подвергающегося такого рода ограничениям. При этом ограничение дееспособности влечет изменение правового статуса лица, не утрату субъективных прав, а изменение порядка их реализации, т. е. введение специального контроля со стороны попечителя.

Если толковать дееспособность как систему правовых презумпций, то появляется возможность рассматривать сущность акта ограничения дееспособности как опровержение этих презумпций, поскольку презумпция отражает вероятностную связь фактов, т. е. лицо, достигшее 18-ти лет, обладает уровнем социального и личностного развития, достаточного для разумного, свободного и добросовестного участия в гражданском обороте. Но такая вероятностная связь может быть опровергнута специальными юридическими фактами, которые свидетельствуют о снижении уровня сознательно-волевого поведения субъекта как участника имущественных отношений. В теории права принято различать опровержимые и неопровержимые презумпции, т. е. те, которые не могут быть опровергнуты с использованием каких бы то ни было доказательств. Поскольку дееспособность — это система презумпций, она включает в себя как опровержимые, так и неопровержимые презумпции, например, никакими юридическими фактами нельзя опровергнуть «неразумность», т. е. отсутствие необходимых социально-психологических характеристик для участия в гражданско-правовых отношениях у лиц, не достигших 14-ти лет. Одновременно в силу прямого указания закона презумпция наличия возможности добросовестно и разумно участвовать в этих отношениях опровергается, например, фактом злоупотребления спиртными напитками и, как следствие, причинения вреда сознательно-волевой сфере личности, что выражается в неразумности расходования средств в ущерб собственной семье.

Заключение. Подводя итог представленному исследованию, можно сформулировать выводы, направленные на уточнение теоретических аспектов понятия «дееспособность физического лица», что позволит выявить правовую природу акта ее ограничения.

1. Дееспособность следует рассматривать как совокупность нормативных презумпций относительно возможности свободного волевого и разумного осуществления индивидом всех или части из совокупности прав, составляющих содержание правоспособности лица в системе гражданско-правовых отношений.

2. С позиции истолкования дееспособности в качестве совокупности опровержимых и неопровержимых презумпций сущность акта ограничения дееспособности раскрывается как процесс опровержения презумпции зрелости сознательно-волевой сферы субъекта, достигшего определенного возраста, для добросовестного и разумного участия в гражданском правообороте применительно к отдельным элементам дееспособности (делкоспособности, деликтоспособности и способности выступать в гражданских правоотношениях от чужого имени).

Предложенная концепция позволяет разработать общие теоретико-методологические подходы к порядку ограничения дееспособности, производить на научной основе отбор явлений объективной реальности для придания им значения соответствующих юридических фактов в процессе развития и усложнения общественных связей и взаимодействий.

Литература и электронные публикации в Интернете

1. *Ушаков, Д. Н.* Ограничение // Толковый словарь русского языка / Д. Н. Ушаков. — М. : Альта-Принт, 2012. — 1216 с.
- Ushakov, D. N.* Ogranichenie // Tolkovyy slovar' russkogo yazyka [Explanatory dictionary of Russian language] / D. N. Ushakov. — M. : Al'ta-Print, 2012. — 1216 p.
2. Гражданский кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : принят Палатой представителей 28 окт. 1998 г. : одобр. Советом Респ. 19 нояб. 1998 г. : в ред. закона Респ. Беларусь от 17.07. 2018 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2018.
3. *Шершеневич, Г. Ф.* Учебник русского гражданского права : в 2 т. / Г. Ф. Шершеневич. — М. : Статут, 2005. — Т. 1. — 461 с.
- Shershenevich, G. F.* Uchebnik russkogo grazhdanskogo prava : v 2 t. [Textbook of Russian civil law] / G. F. Shershenovich. — M. : Statut, 2005. — T. 1. — 461 p.
4. *Веберс, Я. Р.* Правосубъектность граждан в советском гражданском и семейном праве / Я. Р. Веберс. — Рига : Зинатне, 1976. — 231 с.
- Vebers, Ya. R.* Pravosub"ektnost' grazhdan v sovetskom grazhdanskom i semeynom prave [Legal personality of citizens in Soviet civil and family law] / Ya. R. Vebers. — Riga : Zinatne, 1976. — 231 p.
5. *Белькова, Е. Г.* Гражданская дееспособность / Е. Г. Белькова // Изв. ИГЭА. — 2007. — № 1. — С. 47—50.
- Bel'kova, E. G.* Grazhdanskaya deesposobnost' [Civil active capacity] / E. G. Bel'kova // Izv. IGEA. — 2007. — N 1. — P. 47—50.
6. *Витушко, В. А.* Гражданское право : учеб. пособие : в 2 ч. / В. А. Витушко. — Минск : Белорус. наука, 2007. — Ч. 1. — 566 с.
- Vitushko, V. A.* Grazhdanskoe pravo [Civil law] : ucheb. posobie : v 2 ch. / V. A. Vitushko. — Minsk : Belorus. nauka, 2007. — Ch. 1. — 566 p.
7. *Кузнецова, О. А.* Презумпции в российском гражданском праве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / О. А. Кузнецова ; Урал. гос. юрид. акад. — Екатеринбург, 2002. — 23 с.
- Kuznetsova, O. A.* Prezumptsii v rossiyskom grazhdanskom prave [Presumption in Russian civil law] : avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk : 12.00.03 / O. A. Kuznetsova ; Ural. gos. yurid. akad. — Ekaterinburg, 2002. — 23 p.
8. *Бронникова, М. Н.* Гражданско-правовая презумпция по российскому законодательству: содержание, правовые формы и применение : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / М. Н. Бронникова ; Казан. гос. ун-т. им. В. И. Ульянова-Ленина. — Казань, 2006. — 24 с.
- Bronnikova, M. N.* Grazhdansko-pravovaya prezumptsiya po rossiyskomu zakonodatel'stvu: sodержanie, pravovye formy i primeneniye [Civil law presumption under Russian law: content, legal forms and applied]: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk : 12.00.03 / M. N. Bronnikova ; Kazan. gos. un-t. im. V. I. Ul'yanova-Lenina. — Kazan', 2006. — 24 p.
9. *Матвеева, Н. С.* Правовые презумпции в гражданском праве [Электронный ресурс] / Н. С. Матвеева, Г. Ж. Бальганова // Электрон. науч.-метод. журн. Омского ГАУ. — 2018. — Спецвып. № 5. — Режим доступа: <http://e-journal.omgau.ru/images/issues/2018/S05/00546.pdf>.-ISSN 2413-4066. — Дата доступа: 24.09.2018.
- Matveeva, N. S.* Pravovye prezumptsii v grazhdanskom prave [Civil law presumption] [Elektronnyy resurs] / N. S. Matveeva, G. Zh. Bal'tanova // Elektron. nauch.-metod. zhurn. Omskogo GAU. — 2018. — Spetsvyp. № 5. — Rezhim dostupa: <http://e-journal.omgau.ru/images/issues/2018/S05/00546.pdf>.-ISSN 2413-4066. — Data dostupa: 24.09.2018.
10. *Булаевский, Б. А.* К вопросу о понятии презумпций в праве / Б. А. Булаевский // Журн. рос. права. — 2010. — № 3. — С. 63—72.
- Bulaevskiy, B. A.* K voprosu o ponyatii prezumptsiy v prave [On the notion of presumptions in law] / B. A. Bulaevskiy // Zhurn. ros. prava. — 2010. — N 3. — P. 63—72.
11. *Красавчиков, О. А.* Гражданская правосубъектность как правовая форма / О. А. Красавчиков // Межвуз. сб. науч. тр. / Урал. ун-т. — Свердловск, 1978. — Вып. 62 : Правовые проблемы гражданской правосубъектности. — С. 8—20.

Krasavchikov, O. A. Grazhdanskaya pravosub»ektnost' kak pravovaya forma [Civil legal personality as a legal entity form] / O. A. Krasavchikov // Mezhvuz. sb. nauch. tr. / Ural. un-t. — Sverdlovsk, 1978. — Vyp. 62 : Pravovye problemy grazhdanskoj pravosub»ektnosti. — P. 8—20.

12. О внесении изменений и дополнений в некоторые законы Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 17 июля 2018 г., № 135-З // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2018.

RUSLAN ARIF OGLU VELIYEV

**LEGAL REGULATION OF LIMITATION
OF NATURAL PERSON'S LEGAL CAPACITY**

Author affiliation. *Ruslan Arif oglu VELIYEV (veliyev.r@gmail.com), Belarus State Economic University (Minsk, Belarus).*

Abstract. As part of the research carried out the notion of «capacity» was specified, which allowed to substantiate the category of limiting the capacity of an individual as a process of rebutting the presumption of maturity of the conscious-volitional sphere of a subject who has reached a certain age, taking into account the facts characterizing the negative impact on this sphere (alcohol, narcotic and psychotropic substances abuse; game addiction and mental disorder).

Keywords: active capacity; legal capacity; legal personality; limitation of legal capacity; legal presumptions; civil law status.

UDC 347.155.5

*Статья поступила
в редакцию 03.01. 2019 г.*

И. Г. СКОРОХОД

**УЧАСТИЕ ГРАЖДАН В РАСХОДАХ
ГОСУДАРСТВА: КОНСТИТУЦИОННЫЙ ПРИНЦИП
ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ВОЗМОЖНОСТИ**

В статье анализируется принцип экономической возможности граждан финансировать государственные расходы как совокупность создаваемых государством условий, необходимых для исполнения конституционной фискально-экономической обязанности. Создание таких условий является конституционной обязанностью государства. Обосновывается необходимость закрепления данного принципа в Конституции и Налоговом кодексе Республики Беларусь.

Игорь Георгиевич СКОРОХОД (skorohod.igor@mail.ru), преподаватель кафедры теории и истории права Белорусского государственного экономического университета (г. Минск, Беларусь).